

Ф.Н. КОЗЫРЕВ

18+

ПРОЩАНИЕ
АМАРТИИ

Федор Николаевич Козырев

Прощание Амартии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57109971

ISBN 9785005118110

Аннотация

Аполлон и Дионис, закон и благодать, грех и святость, время и вечность – в таких по большей части религиозных категориях разворачиваются в книге размышления о смысле глобальных социальных перемен последнего времени и о возможной роли христианства, России и русской литературы в предотвращении духовной деградации человечества. Размышления представлены в форме монолога Амартии – олицетворения одной из составляющих человеческой природы.

Содержание

Обращение к читателю	5
1	7
2	14
3	17
4	27
5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Прощание Амартии

Федор Николаевич Козырев

*Посвящается моему безвременно ушедшему
другу
Сергею Александровичу Николаенко*

Редактор Ольга Евгеньевна Любимова

Дизайнер обложки Николай Федорович Козырев

© Федор Николаевич Козырев, 2020

© Николай Федорович Козырев, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-1811-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к читателю

Вот и наступила осенняя пора жизни. И внесла во все, о чем хочется думать и писать, апокалипсическую нотку. Четверть века прошла с той поздней весны, когда я взялся за перо и испытал первые поэтические восторги, размышляя над нравственным подвигом многострадального Иова. Срок немалый. Наши великие писатели успевали пройти за этот срок огромный путь. А я топчусь на месте, на той же теме, и, как мне кажется, почти не изменился. Лишь повеяло близостью Неведомого, и плотнее сомкнулись уста, как у Екклесиаста: «и запираются будут двери на улице» (Еккл. 11.4). И та вечно юная часть души, что живет созерцаниями и дерзостно ищет ответы на главные вопросы бытия, не то притихла в ожидании получения окончательного ответа, не то подчинилась набирающей силу второй половине, которая всегда призывала к спокойствию, порядку и благоразумию, но голос которой был раньше недостаточно громок.

Так в моей литературной жизни появилась Амартия. Порождение ли она моего ума или гостья из иных миров, мне не дано знать. Но в одном я хочу уверить читателя, предупредая его опасения. Я не потерял голову. Это не тот случай, когда старый греховодник подпадает под чары юной любовницы и исполняет все ее прихоти. И заслуга в этом

не моя, а моей пришелицы. Именно по настоянию Амартии мне была отведена роль цензора и редактора, удерживающего ее от слишком резких высказываний и необдуманных суждений. Амартия оказалась скромнее, чем я мог предполагать, и за все время нашего счастливого общения не пыталась мне что-то доказывать или настаивать на своем, тем более – выходить за рамки литературного сотрудничества. И за это я хочу выразить ей в первых же строках книги свою благодарность.

«И вздрогнуло сердце Давидово после того, как он сосчитал народ. И сказал Давид Господу: тяжко согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего, ибо крайне неразумно поступил я» (2 Царств 24:10).

«Недостатки и нагромождения были до нас, а мы можем сделать их только лучше» (из сочинения выпускника школы на ЕГЭ).

1

Вряд ли на сей земле найдется кто-то, чаще побиваемый камнями, чем я. Разве что в те несчастные джамараты возле каабы, где от мусульман прячется шайтан, было брошено больше камней, чем в меня. Имя мое Порочность, хотя меня еще именуют Греховность, Неправедность, Безнравственность, Испорченность... Да мало ли имен придумает неразумная толпа для обозначения простой человечности! Сама я предпочитаю зваться звучным греческим именем Амартия по примеру того, как сестру мою Глупость величал Морией хитрый Эразм, не то действительно возвеличивая, не то посмеиваясь над ней. В последнем случае он не сильно преуспел, поскольку смеяться над глупостью может только глупец, и хотя вслед Эразму пришел век Разума и Просвещения, век этот оказался не долгов и полон столь знатными глупостями и неразумием, что над ним затем вволю смеялась Клио. Надеюсь, меня ждет та же участь, и век, поставивший на пьедестал Добродетель, прославится еще большими пороками, чем добрые старые времена, и сойдет со сцены истории посрамленным и униженным предо мной.

Но что я слышу? Шелест страниц закрываемых книг и щелчки выключаемых гаджетов? Уже ли, не успев дать мне полслова для оправдания, благочестивая часть читающей публики посчитала опасным и до крайности неприятным да-

же поверхностное знакомство со мной, не говоря уже о диалоге и попытке проникнуть в строй моих мыслей и чувств? А ведь именно к ней обращено мое послание. Что толку убеждать тех, кто уже является моим почитателем? Как говорится, не здоровые имеют нужду в враче, но больные. Воистину, если бы мы вступили в состязание с Добродетелью, ее поклонники не смогли бы дать мне большей форы! Ибо Добродетель любит красоваться в нарядах терпимости, открытости ума, сочувствия и справедливости, а о каком из этих качеств может идти речь, если вы затыкаете род подсудимому? Наверное, этот род поборников нравственности вдохновляется образом Фемиды с повязкой на глазах и полагает найти высшую справедливость в слепоте. Их придется огорчить, признавшись, что сестра Слепота состоит не в ее, а в моей свите, и смысл неверно истолкованного ими образа Фемиды связан с безуспешной надеждой человечества на то, что с помощью этой малой сестры можно изгнать из судов большую и сильнейшую – Предвзятость. Достойные примеры такой рокировки, впрочем, есть, и они стали появляться все чаще. Мне особенно приятно вспоминать один случай, освещавшийся лет пять назад ведущими каналами СМИ в России. Произошел он то ли в Москве, то ли в Петербурге. Для желающих всегда смогу найти точную ссылку. Один судья осудил женщину за убийство собственного младенца. Трупик нашли в помойке и схватили преступницу по горячим следам. Через несколько месяцев, уже в тюрьме, она родила, до-

казав тем, к досаде своих обвинителей, что она биологически не могла ни родить найденного младенца, ни соответственно совершить приписываемого ей злодеяния. Тем не менее, отпускать женщину из тюрьмы судья отказался. Факт в общем-то совсем не примечательный на общем фоне нынешнего российского судопроизводства. Примечательна аргументация этого достойного судьи, как он ее высказал в интервью. На вопрос, признает ли он свое решение неправомерным, служитель правосудия твердо сказал: нет. Я, мол, судил на основании законов и документов, которые имел на руках. Мне кажется, что сама Фемида, хоть она и статуя, должна была от такого ответа сдвинуть повязку с одного глаза, чтобы взглянуть на своего столь смышленного отпрыска. Итак, дорогие читатели, не будем спешить с приговором, чтобы нам не пришлось оказаться в роли такого судьи, записав людоедство в пажи Добродетели. Быть может, вы еще подружитесь со мной.

Тем же, кто не желает погружаться в хитросплетения юриспруденции, дабы обнаружить в них свидетельства мого присного торжества, я могу указать на другую область человеческого самовыражения – искусство. Далекое не единственному философу приходило в голову, что если бранный мир и имеет оправдание, то лишь на эстетических началах. Красота представляет собой ту непосредственную данность, к которой апеллировать гораздо законнее, чем к закону, да простят мне читатели неуклюжий каламбур. В ней отражает-

ся не абстрактно-эфемерная истина философов и фантазеров, а правда жизни, будь то жизнь уже осуществленная или та, которую мы непременно намерены воплотить. Так вот, скажите мне на милость, где в этой непосредственной данности, долженствующей оправдать мир, вы хоть раз встречали чистую добродетель, не приправленную доброй долей порока? Общеизвестное фиаско, которое потерпели величайшие литературные таланты от Сервантеса до Гоголя и Достоевского в изображении положительного героя – не приговор ли это моей противнице Добродетели? Скажу больше: писательская братия, вовремя сообразив, что без меня им не будет проку, разработала один прием, используемый ими столь широко, открыто и безыскусно, что, не будь в нем абсолютной жизненной необходимости, его сочли бы за самое надоедливое общее место в истории литературы. Они всегда выставляют героя сначала с отрицательной стороны, чтобы потом уравновесить, а то и совершенно затемнить ее спрятанной в нем добродетелью. Если же с героем по ходу действия происходит обратная метаморфоза, то перед нами, безусловно, отъявленный негодяй. Единственное достойное объяснение этого феномена «плохого хорошего человека» я вижу в том, что порочность составляет сердцевину добродетельности, а добродетель – сердцевину порока.

Здесь кто-то мог бы заподозрить меня в нравственном релятивизме – упрек весьма тяжкий по нынешним временам, но я его решительно отвергаю, поскольку никогда не путаю

белое с черным. Нельзя ведь принимать пристрастие к серому за убежденность в том, что белое с черным хорошо сочетаются между собой. Ведь мы – об эстетическом оправдании мира, в котором черный костюм с белой рубашкой давно превратился в символ элегантности и добропорядочности. Впрочем, это касается только мужчин, недаром «плохой хороший человек» – обычно мужская роль. Женщинам выпадает зачастую играть сразу две роли – Одиллии и Одетты, так что белое и черное, равным образом идущее им к лицу, разделяется во времени и пространстве, не теряя при этом смысловую выразительность цветового контраста. Ни один самый тупоголовый зритель не разглядит в исполнении одной балериной двух партий «Лебединого озера» проповедь нравственного релятивизма. Самое большее, что здесь можно увидеть – учение о гармонии добра и зла. Однако, признаю вам по секрету, я не сторонница этой лютеранской идеи.

В современном киноискусстве есть яркие, бесподобные образы, кладущие на лопатки всякого моралиста, посмеявшегося возвысить свой голос против меня. Напомню лишь один фильм с непонятным названием, в котором фигурирует какое-то птичье гнездо. Действие там происходит в сумасшедшем доме, очень похожем на мир, в котором оказалась цивилизованная часть человечества после окончания мировых войн. У обитателей этого дома есть все, что им нужно: еда, покой, безобидные развлечения и, главное, сестра-воспитательница, заботящаяся о них, как о детях. И вдруг весь этот

незамысловатый порядок разрушается, когда в доме оказывается уголовник, пытающийся посредством симуляции умственного расстройства выбраться на свободу. Все кончается плохо, но речь не об этом, а о той неотразимой очевидности, с которой в этом произведении силой искусства решается вечный вопрос о том, что хорошо, а что плохо. Если кто-либо из моих хулителей будет способен дать вразумительный ответ, почему неприкрытый преступник, похабник, пьяница и скандалист оказывается единственным привлекательным человеком в этой компании, и почему его никчемная и позорная смерть несет в себе отблески поистине героического величия, этот ответ либо сделает его моим почитателем, либо даст ему право первому бросить в меня камень с моего же позволения. До сих пор со стороны моралистов мне доводилось слышать лишь общие рассуждения о пользе общественных установлений, опасности лиц с низкой социальной ответственностью и тому подобные бредни, имеющие самое отдаленное отношение к эстетическому существу вопроса. Кто-то говорит, что спор и аргументация вообще неуместны там, где речь идет о вкусах. Что ж, это последнее рассуждение мне представляется здравым. Хочу лишь заметить, что понятие безвкусицы самим своим существованием если и не опровергает его, то вносит важное дополнение. Есть масса людей с напрочь отбитым нравственным нюхом, но любящих больше всего спорить именно на нравственные темы. Толковать с ними имеет смысла не больше, чем улаж-

дать глухого вариациями на тему рококо. Но есть и те, кто искренне симпатизирует главной героине фильма – той, что олицетворяет заботу государства о гражданах и одерживает победу над бунтарем. У меня с ними почему-то не ладится. Я чувствую себя в их компании старомодной, провинциальной и никчемной. Наверное, так чувствовал себя старина Воланд в сталинской Москве. Как бы то ни было, автору фильма его герой, очевидно, нравится, а сам фильм нравится большинству зрителей. Если они до сих пор не все в числе моих читателей, я приписываю это чистому недоразумению, которое намереваюсь рассеять.

2

Я заглядываю в зеркало. И иногда со мной происходит именно то, чего боятся люди и что тоже стало кинематографическим клише: черты лица искажаются, и из зеркала на героя смотрит его альтерэго – мистер Хайд или Боб, блуждающий злой гений Линча. Так и я, смотрясь в зеркало, вдруг с ужасом открываю в себе другую. И узнаю ее. Это она, моя противница, старшая сестра, возомнившая себя моей матерью. Ее тайное имя никому неизвестно, но вы зовете ее Добродетелью, Праведностью или Порядочностью. А по мне – так она просто ханжа. Когда я случайно захожу в ее владения, то, поняв, где я, ухожу на цыпочках, приподняв края платья, чтоб не оскверниться прикосновением к ее земле. За что я ненавижу ее? Да за то же, за что Авель должен был ненавидеть Каина, если бы не был так добр. За то, что она человекоубийца. «Добрыми намерениями устлана дорога в ад», – говорите вы. Слабо сказано. Дорога туда устлана благими деяниями. Неужели вам не хватило Евангелия, чтобы понять это? Или вы вправду думаете, что те, кто ломал и истязал людей в подвалах инквизиции или в застенках НКВД, были сплошь садистами или ворами и лихоимцами? Нет, среди них было множество честных служителей моей сестрички, веривших, что они делают благое дело, как и те, кто отдавал на казнь Христа. «Лучше нам, чтобы

один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин.11.50) ... Они почти не изменились с тех пор. Может быть, моя ненависть происходит от того, что я в душе христианка?

Полюбите меня, как и я полюбила вас. За что вы не любите меня? А я скажу вам: за то, что меня оклеветали. И вы можете догадаться кто. Вбили в головы, что стоит завести со мной добрые отношения, и в мире начнется вражда всех против всех, борьба за выживание, не сдержанная никакими преградами. Что за откровенная чушь! Вы что, слышали когда-нибудь, чтобы я призывала к убийству? Я слишком хорошо знаю цену таким призывам и потому не призываю даже наказывать никого. Ну а наказание за убийство вам самим прекрасно известно: всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро (Быт.4.15). Или вы думаете, что это относится не к вам, а к какой-то другой вымершей людской расе? Должна вас разочаровать – вы все потомки Каина, хоть и разбавленной крови. Вас, видимо, дезориентирует правило «око за око». Так ведь оно было дано на заре нравственного развития, чтобы не напугать вас сразу мерой ответственности. Почему, вы думаете, Иоанну в видении страшный Судия явился с семью очами (Откр.5.6)? Чтобы напомнить вам правило каиновой печати: за око – семь очей. Почему, христиане, ваш Учитель призвал вас прощать семижды семьдесят раз? Чтобы отвести от вас клятву Ламеха: «если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт.4.24).

Слишком легко вы примериваете на себя роль и участь бандитов. Как мне нравится это, когда перед причастием ваше овечье стадо хором подхватывает: «яко разбойник исповедую Тя»! Хотите в разбойники? Попробуйте сначала повисеть на кресте. После него гулять со Христом по росе, как поется в одной незамысловатой песне, вы не сможете. Потому что вам перебыют голени, как тому разбойнику, которого Христос на своих руках отнес в Небесное Царство. А что уж говорить о неправедных судьях или о тех, кто хищничает, прикрываясь законной властью! Бойтесь обижать человек, ибо страшен в ярости высший Судия! Это говорю вам я, Амартия.

3

Мне нравятся христиане. Больше всего за то, как они распорядились своим наследием. Их Писание, изложившее еврейскую историю греческим языком, вполне отражает двойственную природу создаваемой ими культуры. Об этой двойственности постоянно твердит и самый плодовитый из их писателей, будучи сам, его же словами, «во-первых Иудей, потом и Еллин» (Рим.2.9). От тех, и от других христиане умудрились взять худшее. Не скажу только худшее, взято и другое, но оно меня, как вы понимаете, меньше интересует, ибо в нем нет моей части, славы и заслуги.

Что роднит две материнские культуры христианства при всем их различии, так это печать глубокого пессимизма. С «мировой скорбью», написанной на лице каждого порядочного еврея, знакомы все не понаслышке. Расслышать заглушающую все остальные обертоны минорность еврейского псалма тоже не представляет труда. А вот докопаться до пессимизма как корня эллинской культуры – доля избранных, музыкально одаренных натур, таких как Ницше. Когда эллинизм и еврейство встретились наконец, из глубины искушенной еврейской души прозвучало великое: «Суета сует, все – суета!» (Еккл.12.8). Я люблю эту песню. Не могу отказать в прозорливости тем полудиким христианам-отшельникам (на Востоке их до сих пор принято называть святыми отца-

ми), которые несколько неожиданно для своего культурного происхождения поставили печаль и уныние в число возвышенных проявлений порока. Справились ли они сами с этим недугом? Судя по всему, иногда у них это получалось, но совсем не за счет того стремления к бесстрастию, в котором видел спасение просвещенный эллин, а за счет вполне себе варварского утопления печали в экстазе. Послушайте сами признания некоторых из них:

«Есть два вида исступления в духе: один сердечный, а другой восхитительный. Первый свойствен еще только просвещаемым, а другой – совершенным в любви. Оба же ставят ум, в коем действуют, вне чувства (или сознания внешних отношений): так как божественная любовь есть опьяняющее устремление духом мыслей к лучшему, коим отнимается и чувство (или сознание) внешних отношений» (Григорий Синаит – Добротолюбие. 5.12.59).

«Как человек, который пьет вино в день плача, упившись, забывает всякую печаль о своем трудном положении, так и упоенный любовью Божией, в сем мире, т.е., в доме рыдания, забывает все свои труды и печали, и по причине своего упоения делается бесчувственным, ...душа его легка, как пернатая птица, ум его ежечасно возносится от земли, превыше всего человеческого парит он своими помыслами и наслаждается бессмертием у Всевышнего» (Исаак Сирий – Добротолюбие. 2. 42.129).

«От видимых наслаждений в мире займем образы, чтобы

этими подобиями отчасти показать, как благодать действует в душах таковых. Иногда бывают они веселы, ...иногда же бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые и упоемые Духом. <...> В иное же время свет сей, явившись в сердце, отверзал внутреннейший, глубочайший и сокровенный свет, почему человек, всецело поглощенный такой сладостью и таким созерцанием, не владел уже собой, но был для мира сего как бы буим и варваром, по причине избыточной любви и сладости...» (Макарий Великий. – Добротолюбие. 1.13. 83—89)

Для чего, как вы думаете, Павел, предостерегая своих последователей от чрезмерного употребления вина, советует им вместо этого исполняться Духом? (Еф.5.18) Да потому что это почти одно и то же, судя по приведенным отрывкам. Да и какие в этом могут быть сомнения, если «самая историческая» книга Завета дает тому недвусмысленное свидетельство: «И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках <...> И изумлялись все и недоумевая говорили друг другу: что это значит? А иные насмехаясь говорили: они напились сладкого вина» (Деян.2.1—15). Петр, заметьте, не отрицал, что все выглядит именно так: «Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня». То же мне аргумент! Давайте не забывать, наконец, что первое чудо, которое совершил Мессия, придя на землю, было во все не исцеление слепых и хромых, как думают некоторые, а дарование простолюдинам вина, коего не хватило им, что-

бы хорошенько погулять на свадьбе. Тех, кто видит в этом факте лишь случайность и отказывается видеть символический смысл, я приглашаю стать членами клуба казуистики, созданного под моим патронажем. Там они вволю смогут поупражняться в своем искусстве.

Не хочу сильно хвалить наш век, но подобных безобразий в нем все-таки стало значительно меньше. Сегодняшний христианин, как правило, трезв как стекло. Боюсь прослыть материалисткой, но смею предположить, что большую роль в духовном отрезвлении общества сыграло отрезвление физическое. Надеюсь, навсегда ушли в прошлое те ужасные времена, в которые только и могла появиться пословица «пьян как богослов». Это тогда святой Франциск приравнивал к назидательной проповеди появление в городе двух трезвых монахов. Первая попытка отрезвить общество в начале прошлого века с треском провалилась. В частности, потому что некоторые нечестивцы вроде Г. К. Честертона додумались до того, что в борьбе ирландцев за право крепко выпить увидели чуть ли не исповедание христианства. В следующий раз, уверена, все получится. Тем более что христиане все активнее включаются в эту работу: создают общества трезвости, пропагандируют здоровый образ жизни, борются с юродством и нищетой (в том числе духовной), поднимают на пьедестал имидж успешного человека. А можно ли быть успешным, если ты пьешь или «веселишься в Духе»?

Но я отвлеклась. Одурманивание вином и религиозными

предрассудками – отнюдь не единственный путь к экстазу. Коль скоро мы примем, что экстаз есть всякое самозабвение и потеря Я с погружением в Первоединое, к нему ведут и мистицизм, и оккультные практики, и половое соитие, и пограничные состояния, вызванные опасностью смерти, и творческие порывы, да мало ли что еще. Но везде и всегда под покровом того могущества, которое зовет человека к экстазу и которое называют похотью смерти, но которое по сути очень трудно отличить от похоти жизни (ибо что есть несогласие со скоротечностью и несовершенством бытия, как не желание бытия вечного и совершенного?), везде и всегда, повторяюсь, за ней светится лик Диониса.

Если бы христиане были достаточно умны, они поняли бы, что культ Диониса – самое ценное, что подарили им эллины. Вместо этого они испугались и постарались от него поскорее избавиться, полагая, что погибающий, рассекаемый на куски и воскресающий бог слишком напоминает Христа и ставит тем самым под сомнение документальность рассказанной апостолами истории. Теперь, конечно, можно только гадать, каким был бы христианский мир, если бы александрийские богословы объявили детоводителем эллинов ко Христу не философию Платона и Аристотеля, а мистерии Диониса и Орфея. Можно лишь предположить, что в нем слабее было бы господство техники – этого кукушкина дитя в гнезде схоластики, и больше было бы всего того артистического, мистического и романтического, о нехватке ко-

торого тщетно стонет теперь выхолощенная позитивизмом культура. Только немцы в силу особенностей их духовного склада поняли наконец (и заразили потом этим пониманием русских), что грекам единственным в дохристианской и внехристианской культуре удалось укротить, сублимировать и рафинировать ту неукротимую природную ярость становления-самоуничтожения, которая составляет главную загадку Бога и лучшую часть меня. Они создали из вакханалии трагедию и чуть не дотянулись ею до той глубины богочеловеческой тайны, которую Балтазар назвал Теодрамой.

Самозабвение, безмерность, общность vs самопознание, мера, единичность. В таких категориях предстает перед нами противостояние двух богов, положивших основание греческой культуре – Диониса и Аполлона. В таких координатах нам явственнее становится и борьба двух начал христианской культуры – эллинизма и габраизма. Евреи не любят дионисийство. Их духовный склад отчетливо тяготеет к аполлоническому началу. Русский софиолог Владимир Соловьев приписывал эту особенность «крайнему развитию самочувствия, самосознания и самодеятельности», в силу которых «как весь Израиль, так и каждая семья в нем, и каждый член этой семьи до глубины души и до мозга костей проникнуты чувством и сознанием своего национального, семейного и личного Я». Какое уж тут дионисийство! Да и могло ли быть иначе в перспективе их особой религиозной миссии? Богоизбранность и Всеединство – эти две вещи несовмест-

ны.

Чего можно было бы избежать с их стороны, так это неутомимых стараний перевоспитать человечество на аполлонический манер, привив отвращение к дионисийсиву. Даже те из них, кто вырывался из лона своей культуры в христианство, с трудом преодолевал это врожденное отвращение, что выказывается то тут, то там в несправедливости суждений об этом предмете, контрастирующей с обычной аккуратностью мысли. «Расчеловечение людей» vs «очеловечение богов» – в таком виде предстает оппозиция «Дионис – Аполлон» в рассуждениях Александра Меня. А как же еще один вариант – обожения человека – тот самый, о котором жужжит антропология христианства, и который, пусть в проблесках, но все же трудно не заметить в дионисийстве? Читаем дальше: «Все, что видит, слышит, осязает и обоняет человек, – проявления Диониса. Он разлит повсюду. Запах бойни и сонного пруда, ледяные ветры и обессиливающий зной, нежные цветы и отвратительный паук – во всем заключено божественное. Разум не может смириться с этим, он осуждает и одобряет, сортирует и выбирает. Но чего стоят его суждения, когда „священное безумие Вакха“, вызванное опьяняющим танцем под голубым небом или ночью при свете звезд и огней, примиряет со всем! Исчезает различие между жизнью и смертью...» (Мень А. История религии). Поэтически безупречно, но все же больше похоже на описание пантеизма. Бог, разлитый в природе – вот вам и весь Дионис!

А как же тема страдающего бога, тема Прометея, блоковская Прекрасная Дама с *in vino veritas* наконец? Куда только девается диалектический и экзегетический дар богослова, знакомого с премудростями ешивы, как только речь заходит о заприщемном для еврея слиянии с природой! Каким плоским предстает перед нами то, что составляет глубинный и тончайший нерв эллинской, а за ним и европейской культуры! Не в этом ли причина того, что при чрезвычайном интеллектуальном развитии и при всех ее возросших возможностях еврейская среда так и не смогла породить художественных произведений, дотягивающих до средних вершин античной и христианской классики? И чего стоит растиражированная христианская аскеза с ее «опьяняющими устремлениями духа» и приступами неудержимой веселости в сравнении с этой необъявленной пожизненной аскезой безостановочно осуждающего и одобряющего, «сортирующего и выбирающего» ума, блуждающего в пустынных пространствах между недосягаемым Богом и недостойной Его присутствия природой?

Кто считает, что мне несвойственна аполлоническая строгость и умение отсортировать чистое от нечистого, запах бойни от благоуханий фимиама и нежные цветы от отвратительных пауков, тот обижает Амартию. Уж в чем-чем, а в неразборчивости и нечистоплотности меня не обвинить! Мне чистота нравов доставляет удовольствие не меньше, чем тем аристократам, что никогда не пороли холопов собственноручно из чувства брезгливости. Случалось, конечно,

по молодости всякое, так что и сегодня я краснею от воспоминаний, но что же плохого в том, чтобы все попробовать? Даже Павел советовал это фессалоникийцам (1 Фес.5.21). Да и сами подумайте, если ваши ученые объявляют главным психологическим недугом современности нарциссизм, возможно было бы это без усердного служения всего вашего общества Аполлону? Ведь это он, Лучезарный, заразил юношей стремлением к совершенству, самолюбованием и презрением к темной толпе.

Нет бы взять у греков дионисизм, да скрестить его с еврейским эгоцентризмом. Мир мог бы получить в свое оправдание (коль скоро мы оправдываем его на эстетических началах) новый и неслыханный эталон красоты и восславил бы за него христианство. Наверное, это был бы тот человек, которого искал и не нашел Диоген. Но христиане поступили иначе, и – касательно мужской красоты – ограничились тем, что переименовали Аполлона в Давида, а Геракла в Самсона, а касательно женской – просто разрушили алтари Афродиты и запретили думать о женщине иначе, чем в категориях материнства. Вместо Диониса они взяли у греков иссушающий рационализм Аристотеля, добавив к нему платонический дуализм плоти и духа, нечто еще более противное еврейскому сознанию, чем пантеизм. Поставив себя в непримиримую оппозицию наследию Ветхого Завета этим дуализмом (а также проектом догматизации веры), христиане даже не попытались сгладить противоречия средствами, кото-

рые для этого были и в той, и в другой культуре. В результате они отравили платонизмом то лучшее, что было в еврейской религии, – благоговейное отношение к человеческому телу, бывшее предвестием откровения о воплотившемся Боге и могущее послужить заменителем дионисийства. Вместо него в плавильный котел христианской культуры попал иудейский Закон, который и произвел в ней со временем великие и непоправимые следствия.

В том, что Павел проповедует о грехе и законе, разобраться решительно невозможно. Если, конечно, мы не богословы, способные, как метко заметил Эразм, выскользнуть из любой словесной западни, сообщить пристойное толкование любой нелепице и в этом своем умении заткнуть за пояс не только философов любых направлений, но и боголюбезных апостолов. Когда я читаю, что грех не от закона, но без закона он мертв (Рим.7.8—9), я пытаюсь мысленно представить эту конфигурацию, и делаю вывод, что Грех попадает в зависимость от Закона не как сын от отца, а каким-то иным и довольно загадочным образом, причем значительно позже того, как он появился на свет от деяний Адама и Евы. От Закона он, видимо, много чему научился в период своего возмужания, подобно тому, как молодой сорванец учится у бывалого дядьки. Так примерно и объясняет Павел, что, мол, грех через исполнение заповедей стал «крайне грешен» (Рим.7.13). Меня, как вы понимаете, вся эта история задевает лично, и я начинаю волноваться, честна ли была моя родительница, рассказывая мне о моем происхождении, и вправду ли я законная дочь Греха или же незаконная дочь Закона. О родительнице же моей, которую зовут Смерть, Павел говорит, что она «вошла в мир грехом» (Рим.5.12). Он, наверное, хотел сказать «с грехом», ибо родители мои обру-

чилились еще до изгнания из рая. Правда, некоторые весьма авторитетные богословы – назову лишь Златоуста – читали это предложение так, что грех оказывался порождением смерти, а не наоборот, как обычно думают. Скорее всего, под грехом они здесь имели в виду греховность, то есть меня. Тогда все встает на свои места.

Что мне действительно нравится в рассуждениях Павла, так это то место, где он говорит, что когда умножился грех, стала изобиловать благодать (Рим.5.20). Вот ровно то, что я пытаюсь вам втолковать. Правда затем он начинает сравнивать меня с противницей – а я этого не люблю – и советует вам уходить от меня, чтобы стать ее рабами (Рим.6.18). Не думаю, что это хороший совет для освобожденных из-под власти закона. Возможно, здесь опять имеет место филологическая загвоздка, и под Праведностью он, возможно, имеет в виду не мою сестрицу ханжу, а ту чужестранку, которую христиане зовут Святостью. Но тогда совет еще более странный, ведь, насколько я слышала, в ее стране давно отменили рабство.

Как бы то ни было, под закон христиане все равно снова попали, особенно те, кого увлекли в галатову ересь Кальвин и пуритане. О бессмысленные галаты – с запозданием зывал Павел, – зачем же вы подверглись опять игу рабства! (Гал.3.1; 5.1) И спустя тысячу лет первый русский митрополит говорил о том же в Слове о законе и благодати. Но так вожаделенно рабство для человека, что ни сорок лет скитания

по Синайской пустыне, ни полувековой Вавилонский плен, ни власть Рима не вытравили мечту о рабстве из предков Павла, а разрушение Храма и рассеяние – из его потомков. Чего уж говорить о других народах. Одни из них получили царя, другие папу, а третьи, наиболее ревностные в вере, – слегка подновленный Моисеев закон, не столь многогранный, но с лихвой компенсирующий свою простоту лучшей организацией подчинения.

Примите мои соболезнования. Вы попали в западню, из которой вам без меня не выбраться. Объясняю на пальцах. Всякий желающий жить по правде ищет правду в себе или вне себя. Третьего здесь, по логике, не дано. Можно, конечно, пускаться в размышления о том, *что* есть Я, и число этих Я со времен Юма уже выросло с двух до четырех, но мы не будем здесь умножать сущности, поскольку какими бы якими они ни были, все они все равно Я. Жить по своей правде – значит находиться в конфликте со своими желаниями. Об этом Павел тоже подробно написал. Иначе понятий внутренней правды, совести, автономии просто не существовало бы, а мы называли бы все это своеволием. Когда Павел говорит, что не знал бы и пожелания, если бы закон говорил: «не пожелай» (Рим.7.7), он – именно об этом, о том, что правда становится известной мне через трение о желание. Может ли эта моя упрямая правда, отец которой – война с желанием, входить в конфликт и с той правдой, которую общество предлагает мне в виде закона, обычая, правила или

нормы? Вопрос, собственно говоря, риторический. Мне ли, христиане, напоминать вам слова вашего же Учителя: «Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин.15.20), «блаженны изгнанные за правду» (Мф.5.10) и т.д.? Даже авторы самых завиральных политических утопий не решались рисовать общество, в котором личность входит в гармоничное отношение с обществом без предварительных напряжений в виде ли дарвинской борьбы за улучшение породы или диктатуры пролетариата. Один из них почти устоял в своем помешательстве на теории естественной гармонии, но все же вынужден был для правдоподобия ввести в свой опус персонажа, спавшего на гвоздях ради грядущей борьбы за правду.

Не только первые христиане, но и греческие мудрецы, поклонявшиеся Аполлону, бывшие много старше их, утверждали, что большинство всегда не право. И если Сократ называл себя оводом, не дающим покоя афинянам, то как же назвать еврейских пророков, жаливших свой народ на протяжении всей истории до Христа? Это были настоящие шершни, не гнушавшиеся и тем, чтобы уничтожать противника не только словом, как Сократ, но и делом. И даже они были чаще всего гонимы своим богоизбранным народом, хоть тот и пребывал в послушании закону, данному не человеком, а Богом.

И вот, после того, как христиане учинили в этом народе роковой раскол, те, кто остался верен традициям предков, изобрели особый путь решения злополучного вопроса

двух правд. Впрочем, этот путь уже был намечен и опробован в их традиции, а с указанного времени стал лишь официально признан в качестве верховного права. Они постановили, что внешняя правда имеет более высокий нравственный статус, чем правда внутренняя. При этом, дабы устранить всякие недомолвки и кривотолки, они довели некоторые установления Моисея сознательно до абсурда, чтобы не возникало желаний у некоторых правдолюбивых особ сверять эту высшую общинную правду с личным представлением о должном. Так повеление Моисея не варить козленка в молоке матери (Исх.23.19) превратилось в кошерные установления, запрещающие между прочим есть курицу в сметане, невзирая на то, что курица не относится к млекопитающим. Надо заметить, что догадавшись о гениальности этого решения, иезуиты пытались потом сделать что-то подобное, когда, к примеру, заставляли учеников поливать воткнутую в песок трость, дабы она расцвела, как жезл Аарона. И на Востоке в некоторых монастырях была практика для послушников сажать рассаду корешком вверх, «ибо послушание выше молитвы».

И настало приволье! Коль скоро разросшийся свод закона соблюсти невозможно и «делами закона не оправдается никакая плоть» (Рим.3.20), потребны какие-то другие критерии принадлежности избранному народу, кроме соблюдения. Для христиан, по определению Павла, таким критерием должно было стать следование внутренней правде: «Тот

иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве» (Рим.2.28). Евреи остались верны букве и внешнему обрезанию, развив утонченнейшую систему разного рода уловок и послаблений, смягчающих ношение «неудобоносимых бремен» (Мф.23.4), а также оградив соплеменников от суровости наказаний столь же утонченным институтом юридической защиты. В принципе, еврея нельзя отлучить от общины. Заблудший еврей все равно еврей, если он только не стал христианином или не принял ислам. Надо сказать, что этот в высшей степени гуманный и мудрый подход к человеческой слабости, всячески приветствуемый мною, закрепился и в наиболее консервативных ветвях христианства, практикующих крещение детей. Когда митрополит Антоний Вадковский убеждал родственников Льва Толстого не огорчаться по поводу его отлучения, он прямо говорил им, что любое отлучение есть мера временная и воспитательная, а принадлежность крещеного Церкви никаким священнодействием не может быть отменена. Это вам не кальвинизм, где каждый истинно верующий трясется всю жизнь как мышь, не будучи уверен, что предопределен к спасению, и шарахается от меня как от чумной, зная, что заподозренный в связи со мною подлежит незамедлительному извержению из общества святых. Как заметил один выдающийся ученый, досконально изучавший кальвинизм, на место Павлова «сначала закон – потом благодать», Кальвин предложил новую формулу: «Закон – Благодать –

и снова Закон», только теперь закон сугубый: и внутренний, и внешний.

Попробуйте отнять у правоверного иудея его 613 предписаний и предложить ему вместо этого неограниченную свободу. Он будет сражаться за свои запреты, как мученик за право умереть, как затворник за право не выходить из своей кельи, как жених за свою возлюбленную! Вы думаете, когда евреи поют и пляшут на празднестве прославления Тору и одевают ее в нарядные платья, они делают это из любви к традиции? Нет, они делают это из любви к Торе. Потому что Тора подарила им блаженство покоя совести, а покой совести и есть высшая положительная свобода. Я люблю бывать на этих пиршествах духа и плоти, хотя и не вхожу в круг почетных гостей. Там царит какая-то особенно дружелюбная и непринужденная атмосфера. Поистине это блистательное пиршество, которому можно было бы предаваться всю жизнь, если бы при дверях не лежал неотступный Лазарь.

По поводу Лазаря, я думаю, что христианский Учитель совсем не случайно дал нищему из притчи имя своего друга, которого воскресил. Иоанн – тот, что писал совсем странные вещи – прибавляет к этой истории, что первосвященники сговорились убить Лазаря по воскрешении, дабы за Иисусом не пошло больше народу (Ин.12.10). Как можно такое придумать! Я бы не стала рассказывать об этом, даже если бы это было правдой. Какое-то особое по жуткости преступление! Вспоминается Смердяков, дававший собаке на ниточ-

ке мясо, а потом вытаскивавший его из желудка. Недаром из четырех евангелистов иудеи не любят Иоанна больше всего. Впрочем, здесь есть символический смысл, на который хорошо было бы обратить внимание, прежде всего, христианам. Где ваши нищие, христиане? За последние несколько десятилетий вы так хорошо почистили от них ваши города, что скоро дети ваши будут узнавать, как выглядят нищие, по картинкам (не помещать же их в зоопарки). Это называется хорошо организованная социальная помощь. В некоторых странах, считающих себя наиболее христианскими, были случаи, когда за милостыню нищим отдавали под суд, потому что это нарушение порядка. То есть тот самый слой презируемых людей, которых Учитель ваш поднял на небывалую высоту, сделав чуть ли не образцом для подражания («не заботьтесь о завтрашнем дне...» – Мф.5.34), вы либо уморили, либо перевоспитали (что в принципе одно и то же). Так это и есть убийство воскрешенного Лазаря.

Но я отвлеклась. Какое отношение к Моисееву Закону, к тяготам и радостям его имеете вы, необрезанные? Вам что, тоже дано было обетование? Зачем вы носитесь с десятью заповедями и зачем священники ваши навесили их на вас? Даже евреи, понимающие в законах в сто раз больше, чем ваши пастыри, не предполагают требовать этого, но придумали для вас еще в XII веке кодекс Ноя. Или вы думаете, что исполните слова Учителя вашего «ни одна черта не пройдет из закона», если будете соблюдать весь закон? Тогда читай-

те в том же духе и дальше: «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф.5.18—20). Исполняйте же целиком мицву! Придумайте себе еще одну заповедь, пусть их у вас будет 614, чтобы в точности исполнить новозаветный наказ. Или все-таки Новый Завет открывает вам какое-то иное решение? Не то ли, о котором толкует Павел евреям, увещевая их почитать веру выше закона, ибо верою угождали Богу их предки от Авеля до последних пророков (Евр.11.4—32) и «праведный верою жив будет» (Евр.10.38)? Еллинам же он прямо говорит: «если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не перед Богом» (Рим.4.2).

Так чем же угодил Богу Авраам? Не тем ли, что, не имея еще закона Моисеева, исполнил так называемый естественный закон, которым жили язычники? Мне сдается, что как раз наоборот, а именно нарушением всяких норм естественной морали, начиная с исхода из дома отца (читай: разрыва с традицией предков) и торговли женой (Быт.12.11—16), а заканчивая покушением на убийство любимого сына. И, зная все это, Павел призывает необрезанных вести свое духовное родство от Авраама, говоря: «Итак верующие благословляются с верным Авраамом, а все утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою... А что законом никто не оправдается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет» (Гал.3.7—11). А если кто сомневается, может ли вести свое родство от Авраама, не будучи кров-

ным его потомком, тому напомним слова Крестителя, сказанные на Иордане евреям: «И не думайте говорить в себе: „отец у нас Авраам“; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф.3.9).

Так что? Думаете ли вы еще, что дружба со мной есть вражда против Бога? Перечитайте Писание. Я была свидетельницей одной дивной сцены в кошерном американском маркете. Почтенный хасид, выбиравший виноград и поднимавший ягоды к свету своими столь же прозрачными, как виноград, пальцами, вдруг спросил сопровождавшего его ученика (потом тот стал профессором религиоведом): ты знаешь, за что распяли Иисуса? И окинув зорким взглядом опешившего юношу, сам ответил: за то, что он слишком много рассказал.

Вы же, христиане, так мало поняли из сказанного им! Вспомните притчу о мытаре и фарисее (Лк.18.9—14), о неверном домоправителе (Лк.16.1—9), вспомните слова о мытарях и блудницах, идущих первыми в Царство Небесное (Мф.21.31), и покайтесь в своей неразумии. Иначе настанет время, когда вы будете бежать за мной и хвататься за мою одежду, но не сможете удержать меня.

На всех деяниях современности лежат соломонова и кальвинова печати – печати законничества, понятого и исполненного либо с премудростью Иосифа и Соломона, либо с остервенением пуританизма. Это положение дел сложилось надолго, пока будет держать господство над миром та цитадель кальвинизма, что возникла из разрозненных общин изгнанных из Европы пуритан и дала самую логикой их государственного строительства широчайшие за всю историю новой эры политические права маленькой, но могучей кучке верноподданных Моисея. Неудачная попытка немцев взбодрить дряхлеющую Европу и вдохнуть в нее прежний дух романтизма окончилась преступлением и только укрепила счастливый заокеанский альянс. И стал закон богом новой цивилизации. И пошли ободренные успехом галаты проповедовать его по всему свету, кому под знаком креста, кому во имя Авраама и Ноя, кому под обгаренным французской кровью знаменем свободы, равенства, братства. И вот закон вступил в права. И это уже не та история юности человечества, когда закон, по словам Павла, был детоводителем ко Христу (Гал.3.24). Это уже другая, взрослая история.

Здесь надо бы сделать небольшое отступление о кальвинизме. По моему разумению, эта самая взрослая из христианских конфессий. Не потому, что она раньше появилась,

дело было наоборот, а потому что она обращена к взрослому человеку и говорит с ним на языке ответственности. Христианин должен знать, говорит она, что Христос был распят один раз за каждого человека, predetermined к спасению. А predetermined не все. Из этого следует, во-первых, хорошая новость: то, что есть люди, с которыми можно обращаться как с рабами (негры) или истреблять (индейцы). Но есть и плохая: если ты принял Христа, а это может случиться, только если Христос искупил тебя своей кровью, то есть уже один раз был распят за тебя, то ты не можешь грешить. Согрешив, ты исключаяешься из общины спасения, а вместе с тем и из Книги жизни. Поэтому духовная жизнь правильного кальвиниста состоит в неустанной борьбе с грехом ради поддержания той чистоты, которая дарована была ему в крещении. Отсюда и название наиболее мощного движения, возникшего в русле учения Кальвина, – пуритане. Один протестантский теолог, сравнивая кальвинизм с восточным православием, назвал первое религией, обращенной в прошлое, а второе – религией, обращенной в будущее. Первая зиждется на идее свершившегося спасения, вторая – на идее продолжающегося обожения. Для первой важен правильный фундамент – отсюда такое внимание к авторитету источников. Для второй важны ориентиры – отсюда упор на развитие чуткости, помогающей различать духов (1 Кор.12.10), и некоторая излишняя по западным меркам вольность.

Нет ничего в христианской культуре более противоположного друг другу по духу, чем восточная церковь и кальвинизм. Я говорю восточная, потому что недолюбиваю слово православие. Во-первых, от него пахнет мой сестрицей ханжой, во-вторых, все уже поменялось в этом мире, и ветви христианского дерева давно пора бы переименовать. Настоящую ортодоксальность со всеми ее прелестями и непробиваемостью вы найдете сегодня вовсе не в восточной, а как раз в реформатской церкви, то есть у кальвинистов. Недаром понятие фундаментализма появилось у них как реакция на издержки ортодоксальности. Реформатами надо назвать скорее римских католиков: так быстро сегодня не реформируется никто. А за восточной церковью было бы законно закрепить название кафедральной (по-русски, соборной). И дело не в географическом ее распространении, а в том другом значении этого слова, что связано со всеобщностью и общедоступностью. Ни одна другая церковь не позволит вам так легко приобщиться крови Христа.

Для того, чтобы описать различие двух конфессий, достаточно сказать одну фразу. Остальное можно додумать, логически выведя из нее. Реформатская община – это церковь святых, восточная община – церковь кающихся грешников. Но велики отличия реформатов и от других конфессий протестантизма. Так, лютеране стараются во всем удерживать параллелизм церкви и мира и поэтому полагают, что чем меньше у церкви власти, тем лучше. Это они провозгла-

силы лозунг «чья власть, того и вера», чем, кстати, очень понравились российским самодержцам. Именно поэтому немцы получили в России после Петра столь значительные привилегии. Кальвинисты, напротив, решили, что чем больше власти, тем лучше. Их лозунг «Христос реформирует мир». С этим лозунгом они ринулись в политику и создали один из самых мощных аппаратов лоббирования, идеологической манипуляции и контроля за своими адептами. Иезуитство появилось уже как ответ на этот новый вызов. В нашумевшем издании Майкла Уолцера «Революция святых» проводится мысль, что именно кальвинизм, а вовсе не коммунизм должен считаться родоначальником политического радикализма и тоталитаризма. Советую почитать эту книгу. На русском вы, правда, ее не найдете. После короткого бума времен перестройки наиболее важные книги больше не переводятся на русский. Зачем переводить книги на язык малозначащей в культурном отношении страны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.